

ВЕСТНИКИ И ПРОВИДЦЫ: УЧИТЕЛЬСТВО И ПРОФЕТИЗМ КАК ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

© Волков В.В.¹, Волкова Н.В.²

Тверской государственной университет, г. Тверь

Авторы трактуют учительство и пророчество как типологические черты русской словесности духовного реализма, корнящиеся в христианском мироощущении, проходящие сквозной линией от Древней Руси до настоящего времени, связанного с духовно-религиозным возрождением после долгого периода воинствующего атеизма. Учительная функция рассматривается в трех аспектах: в прямом выражении, характерном для древнерусского периода (Даниил Заточник), в косвенном (современная церковно-просветительская художественная документалистика архимандрита Тихона) и в потенциальном («поэтическом»), как следствие творческого самовыражения автора (Арсений Тарковский).

Ключевые слова: русская литература, духовный реализм, пророчество, учительство, Даниил Заточник, Арсений Тарковский, церковная публицистика, архимандрит Тихон (Шевкунов).

Пророчество (от др.-гр. приставки *pro-* в значениях «вперед» и «прежде» и глагола *phēmī* «говорить») применительно к литературоведению – пророческая направленность творчества (как правило, автором не осознаваемая). Русское *пророк* – точная калька др.-гр. *prophētes* «пророк, прорицатель» (букв. «говорящий наперед»), *пророческий* – из новозаветного *prophētikos* «пророческий». Пророческое целесообразно понимать как «судьбоносное», как «весть о грядущей судьбе».

Литературный мотив пророчества по происхождению – из Ветхого Завета. Библейские пророки говорили не от себя, они лишь, как *вестники*, передавали предупреждения, предостережения, рекомендации – волю Всевышнего, его произволение о должном сложении и течении судеб людей, народов и государств. Такая «неотмирность» пророческого слова в светских текстах пророческого характера, разумеется, стирается. В традициях русской словесности разных эпох, различных родов и жанров – в церковно-учительных текстах, в публицистике, документалистике и художественной литературе духовного реализма – мотив пророчества, во-первых, предстает в десакрализованном виде (теряет ореол «священного слова», исходящего

¹ Профессор кафедры Русского языка, доктор филологических наук.

² Доцент кафедры Филологических основ издательского дела и литературного творчества, кандидат филологических наук.

от мира горного), во-вторых, как следствие первого, приобретает личный характер (автор говорит уже от своего собственного лица, принимая тем самым ответственность за высказанное только на себя самого, как в случае, например, с В.С. Высоцким [8]).

С этой первой точки зрения, в профетизме как типологической черте русской словесности духовного реализма целесообразно различать профетизм религиозный (в святоотеческой словесности), идеологический (прокламация идеологии, фундирующей религиозными чувствами, как в случае, например, с Л.Н. Толстым) и творческий («поэтический») профетизм. Все эти профетические устремленности, несмотря на то что питаются разными источниками, в каждом периоде истории отечественной словесности существуют одновременно, – различие лишь в том, какой из этих видов выходит на первый план, оказывается доминантным.

Со второй точки зрения (личный характер профетичности), по отношению к читателям – адресатам текстов авторы выступают в роли учителей, наставников, но не в школьном смысле «те, кто передают знания, способствуют формированию умений и навыков», а в смысле проводников на пути духовного становления и развития.

Учители – именно такая форма множественного числа, с ударением ближе к корню *уч-*, вызывает ассоциации не столько с массовой профессией (ср. мн. число *учителя*, с ударением на окончании), сколько с *на-ук-ой*, *уч-ени-ем* – и как процессом познания и самовоспитания, и как системой знаний. Такая форма (ныне устаревшая и книжная, с окраской «высокое») в точности соответствует многовековой учительной роли книг и их авторов в жизни русских людей.

Учители словенские... Именно так именует православная церковь равноапостольных Кирилла и Мефодия, создателей славянской азбуки, церковнославянского языка и проповедников христианства, принесшего на Русь свет не только христианской религии, но и вместе с ней – разнообразное секулярное знание.

Учительная функция русской словесности может быть прямой (поучение), косвенной (на основе просветительства) или лишь потенциальной (как следствие творческого самовыражения автора, результаты которого могут произвести такой самопроизвольный «учительный эффект», на который автор вовсе и не рассчитывал).

В целях иллюстрации кратко охарактеризуем три совершенно разных материала отечественной словесности, не связанных ни исторически, ни жанрово-типологически, объединяющихся лишь их профетическим и учительным характером.

Собственно «учительный» пример – «Слово» (во второй редакции – «Моление») Даниила Заточника [11], древнерусского точно не установленного автора XII или XIII века, судя по содержанию текста, сосланного кня-

зем в дикие места (откуда и прозвище *Заточник*, ассоциирующееся с *заточением*) и взывающего, с одной стороны, о помощи и снисхождении, с другой стороны, учительно напоминающего князю Ярославу Владимировичу о высоте его княжеского призвания, обязывающего заботиться о попавших в беду.

Примеров творческого («поэтического»), в чем-то (как правило, ненамеренного) учительного профетизма в русской поэзии множество; мы ограничиваемся двумя – из разных эпох. С одной стороны, Гавриил Романович Державин (1743-1816), действительный тайный советник – и поэт, осмеливавшийся, по примеру своих древних предшественников, «истину царям с улыбкой говорить»; с другой стороны, Арсений Александрович Тарковский (1907-1989), творивший в живом ощущении, что его творческий дар не принадлежит ему лично, что он, как человек и как поэт, – лишь сырой материал, обработанный высшими силами для творчества, инструмент, которым пользуются стихи, что падают «на грудь нечаянно / Из клювов птиц, из глаз травы» [12, с. 49], – поэт, осознанно следующий по пути *вестника* вышней воли (именно таково название его третьей книги – «Вестник», подробнее см.: [5]).

Наконец, показательный пример «косвенной» учительной функции, из нашей современной жизни, – многократно переиздававшаяся, документальная в своей основе книга архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые» и другие рассказы», суммарный тираж которой ныне достиг двух миллионов экземпляров (цифра для постсоветской России почти невероятная), основывающаяся на реальных историях из жизни людей, которых архимандрит знал лично. Это своеобразный «беллетризованный рассказ о церкви», который множество современных русских людей вернул или обратил к Православию и который без преувеличения можно назвать в чем-то пророческим: с одной стороны, отражающим процессы духовно-религиозного возрождения в нашей стране, а с другой – предвосхищающим дальнейшее восхождение нашего народа по ступеням духовности.

Даниил Заточник, по справедливой оценке Д.С. Лихачева, – «это своего рода интеллигент Древней Руси XII-XIII вв., интеллигент, принадлежащий к эксплуатируемым слоям общества» [10, с. 242]. В соответствии с этимологическим смыслом существительного *интеллигент* (из лат. *intelligens, intelligentis (intellegens)* «знающий, понимающий, разумный» – от *intellegere* «воспринимать, подмечать; познавать, мыслить»), автобиографический, исповедальный герой Заточника [4] – это человек, понимающий, с одной стороны, в интеллектуальном отношении, свою призванность к просветительской деятельности по отношению к владетельному князю, кому он адресует свое «Слово», с другой стороны, в социальном отношении, свою уязвимость, униженность, зависимость от власти, откуда второй вариант названия его произведения – «Моление». Как *моление*, это просьба о снисхождении и поддержке, как *слово*, это назидательная речь – напомирование о высоком призвании властителя.

С жанром *моления* связаны самоирония, скоморошество. «Даниил Заточник высмеивает в своем «Слове» пути к достижению жизненного благополучия, потешает князя и подчеркивает своими неуместными шутками церемониальные запреты» [10, с. 18], с жанром *слова* связаны многочисленные библейские аллюзии и прямые цитаты, а возможно, и символическая условность имени *Даниил*, отсылающая к ветхозаветной «Книге пророка Даниила» [3], к существу его судьбы, коренящейся в глубине его веры и основывающейся на этой вере богоизбранности.

Судьба пророка Даниила, выполнявшего в своем снотолковании, образно говоря, *учительные* функции по отношению к вавилонскому царю Навуходоносору, по существу, несмотря на изменение «масштаба» (библейский пророк – древнерусский скоморошествующий «интеллигент»), изоморфна судьбе и трех его друзей, и судьбе его древнерусского тезки Даниила Заточника, и судьбе фронтовика Арсения Тарковского: друзья пророка Даниила Анания, Азария и Мисаил, брошенные в печь за отказ поклониться идолу, «... ходили посреди пламени, воспевая Бога и благословляя Господа» (Дан. 3: 24), вышли из огня невредимыми, тем самым убедив царя в величии Единого Бога; сам Даниил, брошенный в яму к львам на растерзание, также остался невредим, поскольку, по его словам, «Бог мой послал Ангела Своего и заградил пасть львам, и они не повредили мне, потому что я оказался пред Ним чист, да и перед тобою, царь, я не сделал преступления» (Дан. 6: 22). Мотив очистительного испытания (которое необязательно печь или дикие звери), ведущего к духовному просветлению и очищению, связанный с библейским именем *Даниил*, просматривается и в творчестве Арсения Тарковского: «И я раздвинул жар березовый, / Как заповедал Даниил, / Благословил закал свой розовый, / И как пророк заговорил» [12, с. 49]. Огонь, должный погубить, трансмутирует в огонь творческого закала.

Учители – носители особой миссии, суть ее – помощь в душевно-духовном восхождении, которую оказывают не столько они сами, как частные люди, сколь через них – Сам Господь. В этом одна из причин скоморошьяго самоуменьшения в «Слове» Даниила Заточника, и в этом же причина того, что к скоморохам и скоморошествующим прислушивались.

В секулярном словоупотреблении, вне специфически христианского контекста, подходящего синонима к слову *учители*, пожалуй, и не найти. В церковной жизни библейскому и святоотеческому *учительству* сродни *духовничество*, духовное наставничество священника по отношению к прихожанину, – но оно носит сугубо личный характер, в отличие от социально-просветительства, обращенного к многим.

В русской литературе Нового времени, когда общество последовательно секуляризировалось, когда многие вольнодумствовали в атеистическом духе или становились прямыми атеистами, стала прокламироваться мысль о высоком предназначении искусства, особенно поэзии. Социальная «учитель-

ная» миссия возлагалась, таким образом, на *поэтов*, которых нередко именованиями *избранниками божьими*, – впрочем, в отличие от аналогичного именованья православных святых, прилагательное *божий (избранник)* писали часто с маленькой буквы, поскольку далеко не всегда было ясно, о каком именно боге идет речь – едином христианском Боге или о многоликих языческих богах. Отсюда, от ощущения избранности и призванности, и декларированное Г.Р. Державиным в его знаменитом «Памятнике»: «... первый я дерзнул в забавном русском слоге <...> В сердечной простоте беседовать о боге / И истину царям с улыбкой говорить». Прислушивалась власть и к последователям Державина на ниве поэтического учительства, в том числе в годы советской власти, хотя и стремилась держать их под контролем.

В повседневной жизни советского человека роль душевно-духовного водительства возлагалась на *интеллигенцию, интеллигентов* (именно поэту, как мы отметили выше, Д.С. Лихачев назвал Даниила Заточника «своего рода интеллигентом Древней Руси»).

Habent sua fata libelli, Книги имеют свою судьбу, – говорили древние. Судьба определяется отношением книги к глубинным основам бытия, к *Логосу* в исходном этимологическом смысле «первопричина, духовное первоначало бытия». «В этом смысле каждая книга – очередная реализация логоса как упорядочивающего (или «раз-упорядочивающего») начала бытия, а ее автор – в буквальном смысле создатель (или разрушитель) миров, что налагает особую ответственность как на самого автора, так и на тех, кто использует его произведения, его книги в каких-либо целях» [7, с. 56]. Можно говорить об особой *сакральности* книги, не только религиозной, но и светской, – при условии, что она обладает свойствами учительности и профетичности.

У сугубо развлекательной литературы, именуемой *беллетристикой*, лишенной сакрального учительного содержания (именно *внутренне, недекларативно* сакрального, хотя бы и выступающего под маской обыденности, как в большей части произведений классической литературы духовного реализма), – судьба пребывать на поверхности бытия и жизнь недолговечная, поскольку такая литература – лишь *производство текстов* [6], – часто используемое в наши дни словосочетание, фиксирующее установку автора на «текст», который можно выгодно продать, а не на *произведение*, фиксирующее итоги бескорыстных творческих усилий.

Судьба литературы с учительным и профетическим накалом – иная, глубинная и, по человеческим меркам, вечная, отзвучивающаяся во многих поколениях. Профетичность, как правило, часто авторами не осознается и напрямую не декларируется, а если и провозглашается, то в неких перифразах, нуждающихся в специальных герменевтических усилиях, нацеленных на прочтение их внутреннего смысла.

У Арсения Тарковского это уже упоминавшееся нами выше существительное *вестник*, то есть «несущий весть». Ближайшая аллюзия – ни много

ни мало на Евангелия. Напомним: буквальная русская калька древнегреческого существительного *евангелие* – «благая весть», «благовествование» (др.-гр. *euaggelion* «радостная весть» – от *eu* «хорошо» + *aggellō* «извещаю»), откуда и *aggelos* «вестник, посланник; ангел»).

«Благой вестью» для христианина являются, однако, не только четыре евангелия и Новый Завет, но и вся Библия, далее множество святоотеческих творений. Если в качестве основной евангельской *вести* выделить *богосыновство* человека и человечества, то Арсений Тарковский, действительно, несет в своих исповедальных стихах, выражающих его глубинное поэтическое кредо, именно весть о богоданности творчества. Показательное стихотворение – «К стихам» [12, с. 49] с его главными мотивами *сотворенности* человека и поэта вышней силой и «*продиктованности*» стихов извне, – стихов, которые оказываются живыми собеседниками, независимыми от поэта, якобы единственного их создателя:

Стихи мои, птенцы, наследники,
Душеприказчики, истцы,
Молчальники и собеседники,
Смиренники и гордецы!

И я раздвинул жар березовый,
Как заповедал Даниил,
Благословил закал свой розовый,
И как пророк заговорил.

Я сам без роду и без племени
И чудом вырос из-под рук,
Едва меня лопата времени
Швырнула на гончарный круг.

Скупой, охряной, неприкаянной
Я долго был землей, а вы
Упали мне на грудь нечаянно
Из клювов птиц, из глаз травы.

Мне вытянули горло длинное,
И выкрутили душу мне,
И обозначили былинные
Цветы и листья на спине,

Весть Арсения Тарковского, как видим, о *богосотворенности* человека и поэта, – в соответствии с библейским преданием, из глины, «на гончарном круге» времени, о его превращении, по слову самого поэта, в «сосуд скудельный» («Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был...» [12, с. 55]), наделенный «горлом длинным», предназначенным для связной речи, озвучивающей тихие голоса земли и травы.

В широком смысле слова русская по-разному «учительная» словесность, нацеленная на выражение религиозно-духовных содержаний, пророчески вдохновленная вышней волей, – это не только художественные и публицистические письменные тексты, но и живое устное слово, например, проповедническое слово священника в рамках церковной проповеди или даже публичное официальное выступление церковного иерарха.

В этом контексте представляется целесообразным обратить внимание на поистине историческое, первое в новейшей российской истории выступ-

ление в Государственной Думе Патриарха Кирилла, в котором он, в частности, сформулировал чаемую всеми нами «национальную идею»: «Древняя Русь, связанная с Византией, Российская империя, революция, Советский Союз, новая Россия – и задали себе простой вопрос: а можно ли в каждом из этих исторических этапов выявить нечто принципиально важное, что отличало ту эпоху, но сохраняет свою непреходящую ценность и для современной жизни? И сказали – да» [9]. Если одним словом, то поначалу это *вера*, затем *державность*, в советскую эпоху – *справедливость* и *солидарность*, в наши дни – *свобода* и *достоинство*. Как видим, «национальная идея» у нас есть, ее можно выразить отдельными словами, последовательно складывающимися в цельное мирозерцание – в терминах когнитивной лингвистики, в духовно-концептуальную картину мира.

Патриарх Кирилл в этом выступлении – тоже *вестник*, оглашающий *волю о содержаниях* текстов, связанных с религиозно осмысленным отношением к жизни как отдельного человека, так и страны в целом. Миссия современной отечественной словесности – раскрывать, развивать, нести эти содержания людям, выполняя тем самым, формально говоря, свои просветительски-воспитательные задачи. От современной русской словесности ожидается, что она продолжит традиции вестнического профетического слова, что художественная литература будет именно «вестнической литературой».

Теперь коротко о книге архимандрита Тихона «Несвятые святые» и другие рассказы», которая, на наш взгляд, в точности соответствует чаемому «новому слову» в отечественной словесности.

Профетические мотивы в этой книге связаны не с авторским «я», как у Даниила Заточника, и не с голосом лирического героя, как у Арсения Тарковского, а с реальными людьми – священнослужителями и мирянами; способность к живому богообщению и, в каких-то частных случаях, даже к прозрению будущего предстает здесь как органичное свойство людей, достигших духовного просветления.

В книге архимандрита Тихона есть несколько поучительных историй с подзаголовками «Из «Пролога» либо «История, которая может войти в будущий «Пролог». При первом использовании этого жанра автор в эпиграфе разъясняет, что в старинной книге под названием «Прóлог» (именно с таким ударением, на приставке) «собраны множество поучений и историй из жизни христиан начиная с евангельских времен и века до восемнадцатого» [1, с. 153]. Передавая современным языком некоторые из древних историй, архимандрит вводит в этот ряд и новые ставшие ему известными истории из христианской жизни наших современников, которые, так же как и древние, заслуживают, по его убеждению, включения в этот церковно-учительный сборник, содержащий жития святых, назидательные рассказы и поучения.

В стилистически нейтральной лексике современного русского языка есть сущ. *пролог* – с ударением на корне, в значении «вступительная часть к какому-либо произведению». Точная русская калька др.-гр. *prologos* (из *pro...* «впере-

ди; прежде» + *logos* «слово; понятие, смысл») – *предисловие*. *Предисловие*, по своей функции, не просто «вступительная часть», но «уведомление наперед», на *будущее* чтение, сообщение о том, что будет дальше, подсказка для правильного понимания дальнейшего текста. *Прólogo*, в отличие от *пролога*, выводит событие чтения за пределы самого чтения – в реальную жизнь; повествуя о прошлом, выступает, во-первых, как поучение читающим *ныне*, во-вторых, как возможное предвозвестие их праведной жизни *в будущем*.

Таким образом, церковно-учительный *прólogo*, в соответствии с этой внутренней формой слова и одновременно в соответствии со своим учительным предназначением, призван не только познакомить читателей с прошлым, с тем, что было, но и способствовать христиански верному поведению в будущем. Если *предисловие* – это «слово наперед» только в печатном, виртуальном пространстве книги, то *прólogo* – «слово наперед» в пространстве-времени реальной жизни читателей, среди которых наверняка будут такие, чьи судьбы тоже окажутся кому-то в будущем назидательно небесполезными.

В этом смысле вся книга архимандрита Тихона – в определенном смысле «предвозвестие» возможного душевно-духовного просветления ее читателей. В интервью журналу «Университетская книга» архимандрит говорил о ее содержании так: «Поскольку эти истории не придуманные, то я всего лишь пересказчик событий и свидетель – в данном случае жизни созданной Христом две тысячи лет назад Церкви в наше время. <...> Для меня было необычайно важно и интересно, что откликнулось немало людей, которые нашли в книге много общего со своей судьбой. Ведь, как говорил древний писатель Тертуллиан, «душа каждого человека по природе христианка» [2, с. 23].

В заключение еще раз процитируем интервью архимандрита Тихона: «Наше государство в последние два десятилетия под видом отрицания тоталитарного общества отказалось от своей тысячелетней функции воспитания человека» [2, с. 24]. Соглашаясь, дополним: государство, но не русская словесность, которая в лучших своих творениях никогда не оставляла душевно-духовным поучением читателей даже в условиях воинствующего атеизма советской эпохи. На наших глазах рождается новая ветвь этой литературы, оплодотворяемая церковным опытом, – церковно-просветительская художественная документалистика, продолжающая и учительную, и пророческую традиции отечественной словесности.

Список литературы:

1. Архимандрит Тихон (Шевкунов). «Несвятые святые» и другие рассказы. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2015. – 640 с.
2. Архимандрит Тихон (Шевкунов). «Нечитающие читатели» и другие феномены нашей жизни // Университетская книга. – 2012. – № 9 (9). – С. 22-26.
3. Бирнбаум Х., Романчук Р. Кем был загадочный Даниил Заточник?: (К вопросу о культуре чтения в Древней Руси) // Труды Отдела древнерусской литературы. – Т. L. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – С. 576-602.

4. Василенко А.Н. Можно ли считать исповедью «Моление Даниила Заточника»? // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2011. – № 1. – С. 5-10.

5. Волков В.В. Арсений Тарковский: лирическое «я» и поэтическая философия // Язык и культура (Новосибирск). – 2014. – № 12. – С. 99-105.

6. Волков В.В., Волкова Н.В. «Производство текстов» как проблема современной книжной культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 4-1 (54). – С. 33-36.

7. Волков В.В., Волкова Н.В. Концепт «Книга» в русской лингвокультурологии: аспекты исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 4-2 (46). – С. 54-60.

8. Волкова Н.В. Пророчество творческого пути В.С. Высоцкого // Владимир Высоцкий: Исследования и материалы 2011-2012 гг. – Воронеж: ЭХО, 2012. – С. 3-10.

9. Дума Патриарха: Патриарх Московский и всея Руси Кирилл впервые выступил в Госдуме [Электронный ресурс] // Российская газета (Федеральный выпуск). – 23 января 2015 г. – № 6583. – Режим доступа: www.rg.ru/2015/01/23/patriarkh.html.

10. Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3 т. Т. 2. – Л.: Худож. лит., 1987. – 496 с.

11. Слово Даниила Заточника [Электронный ресурс] // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 4. XII век. – СПб.: Наука, 1997. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4942>.

12. Тарковский А.А. Избранное. 1929-1979. – М.: Худож. лит., 1982. – 736 с.

СТИХОТВОРЕНИЕ А. БЕЛОГО «ИЮЛЬСКИЙ ДЕНЬ: СВЕРКАЕТ СТРОГО»: ОПЫТ ЦЕЛОСТНОГО АНАЛИЗА

© Леушина О.В.¹

Омский государственный педагогический университет, г. Омск

В статье рассматривается стихотворение поэта Серебряного века А. Белого «Июльский день: сверкает строго» с точки зрения архитектоники и графики лирического текста. Произведение исследуется с позиции целостного системно-структурного метода анализа.

Ключевые слова: Белый А., архитектоника, системно-структурный подход.

¹ Аспирант кафедры Литературы и культурологии.